

WORLD
WARCRAFT

Власть мгновения

Мэдлин Ру

Над водой стоял ледяной холод. Гладкую как стекло поверхность нарушала только разбегавшаяся от лодки рябь. Лор’темар Терон настоял на путешествии морем, как в старые времена. Телепортация прямо к воротам Сурамара испортила бы впечатление. Он хотел увидеть город таким, каким его задумывали создатели. И вот его сияющие купола и ослепительные башни медленно приближались, возвышаясь над тихим голубым озером подобно горам, сотворенным некими древними божествами. Божествами, подумал он, творившими с изяществом и легкостью — потому что, хоть Сурамар простоял больше десяти тысяч лет, его хрупкие на вид стены, казалось, могли разрушиться от легчайшего дуновения.

Через величественную гавань Астравар они проследовали к пристани Лунного Сияния, где приветственно развернул свои знамена пышный фиолетовый папоротник, а бледные лиловые цветы покачивались под пологом из веток, тоже усыпанных темно-синими цветами. Лодка пересекла тень от нависшей над водой Цитадели Ночи, направляясь к пустому причалу под набережной.

Лор’темара пригласила первая чародейка Талисра, и с того приглашения прошло уже столько времени, что в конце концов у него не нашлось больше предлогов и дальше откладывать визит. Он медлил не из нежелания, а из-за бесконечных обязанностей, отнимавших все его время. Как предводитель син’дорай и член недавно созданного совета Орды, он вынужден был заниматься и делами Луносвета, и неотложными поручениями из Оргриммара. Он будто разрывался пополам, и каждая половина казалась ему чуждой. Однако эта поездка, которая была поблажкой самому себе, располагалась в том уголке его сердца, где прятались полузабытые личные интересы. Хотя иногда он позволял

себе почитать после полудня в тишине и покое, отдохнуть ему в эти минуты почти не удавалось. Он часто откладывал книгу и вместо этого брался за дневник, записывая стихи или просто приходившие в голову мысли. И многие из них содержали один и тот же образ: его сумеречная лилия, чарующая своей красотой.

Внезапно он почувствовал себя неловко — зачем он сидит в этой лодке, пока гребец-ночнорожденный правит ее к подножию великого города? Ему здесь не место. Ему некогда тратить на это свое время — оно принадлежит его народу и Орде.

Лор’темар оглянулся через плечо. Позади неумолимо сомкнулся туман, как бы говоря: *«Поздно. Ты сделал свой выбор»*. Гребец бросил на него вопросительный взгляд, но Лор’темар ничего не сказал ему — он смотрел поверх головы эльфа на вычурные серебристые фонари, освещающие пристань. В его груди поселилось знакомое болезненное напряжение, как перед битвой — он знал, что ожидание сродни страху, и одно порой невозможно отличить от другого. Подобно тому, как его сердце занимали только два противоречивых чувства, с собой он тоже не взял ничего, кроме висящего на поясе меча и небольшого потрепанного дневника в кожаном переплете, который держал в правой руке. От смеси страха и ожидания у него шла кругом голова, и липкими от пота пальцами он нервно перебирал страницы дневника.

Он поежился, посильнее натягивая на плечи тяжелый алый плащ, расшитый золотыми солнцами, и наблюдая сквозь облачко дыхания, как приближается берег. Лодка замедлила ход, проскользнув мимо пары грациозных журавлей, которые невозмутимо посмотрели им вслед: их не тревожил ни холод, ни незваные гости.

«Осторожнее», — предупредил гребец, перед тем как нос лодки уткнулся в причал. Ночнорожденный взялся за ближайший столбик, не давая лодке раскачиваться, пока Лор’темар сходил на берег.

«Спасибо за переправу», — сказал Лор’темар. Гребец улыбнулся ему и, кивнув, оттолкнул лодку от берега и вновь повел ее по безупречно гладкой воде, на которую осыпалась пыльца лилий.

«Ты наконец приехал».

Ошеломленный Лор’темар резко обернулся и увидел первую чародейку Талисру, которая, как оказалось, не стала присылать за ним слугу и пришла сама. Она смотрела на него со ступеней лестницы, поднимавшейся к городу от пристани Лунного Сияния. Ее голос далеко разнесся над водой. Она стояла неподвижно, напомнив ему своей красотой спокойно купавшихся позади птиц.

Он слегка склонился в поклоне и подошел к невообразимой высоты лестнице, ведущей от пристани к Золотому рынку, суета на котором к вечеру начала утихать. Напряжение у него в груди не слабело — напротив, с каждым шагом к Талисре оно лишь нарастало.

Она встретила его улыбкой, протянув из складок украшенного рунами плаща тонкую сиреневую руку. Она оделась не в свой парадный наряд, похожий на воинские доспехи, а в роскошный мягкий бархат — по-видимому, сохранявший тепло благодаря заклинанию. Поверх короны серебристо-белых волос лежала простая хрустальная диадема.

Когда Лор’темар принял прохладную и сухую ладонь, плащ Талисры заиграл отблесками света и всколыхнулся, навевая томительный аромат сиреневых духов.

«Не верю своим глазам, — произнесла она с легким смешком, когда Лор’темар мягко взял ее под руку. Они начали подниматься по лестнице. — Ты мог бы дать мне побольше времени подготовиться, лорд-регент. Мне пришлось отозвать из странствий шестерых поэтов к их вящему неудовольствию. Возмущались передо мной часами. Не в стихах, к счастью».

«Прошу прощения, — ответил он своим низким баритоном. — Ты же понимаешь, что я был занят в Луносвете и не мог отлучиться, особенно по... личным делам».

Талисра махнула рукой. Опять эта проклятая сирень. Она его с ума сведет. «Не извиняйся. Ссора-другая пойдет им только на пользу. Надо же им о чем-то писать. Как дела в Кель’Таласе? Закрывая глаза, я все еще вижу тропинки в багряно-золотом лесу и листья, которые кружит у моих ног пахнущий дымом ветер...»

«Это стихи, миледи? Боюсь, я хуже подготовился к нашему состязанию, — усмехнулся Лор’темар. Но только для вида: слова Талисры тронули его.

Воспоминания о Луносвете и его золотых шпильях наполнили его сердце горечью. — Конечно, кто-нибудь останется расстроен или рассержен моим отъездом, но в основном я все уладил».

Здесь Лор'темар немного покривил душой. И Халдарон Светлое Крыло, и Роммат проявляли усиленный интерес к его путешествию в Сурамар. Роммат даже разразился чем-то в духе: «Езжай, влюбленный болван, или я тебя собственными руками задушу».

Они медленно поднимались по лестнице, и холод гавани постепенно отступал. Дорога к самому городу была ограждена перламутровыми перилами. Там ночнорожденные с оружием и в доспехах патрулировали пустеющие рыночные улицы.

«Рассержен? Ерунда. — Талисра слегка подтолкнула его локтем, и Лор'темар покрепче сжал свой дневник. — Ты остаешься всего на пару дней!»

«И это — непозволительная роскошь. Распоряжения из Оргриммара и так...»

«Лор'темар... — она сжала его предплечье сквозь ткань плаща и, должно быть, почувствовала напряжение, все еще не отпускавшее его. — Я не того от тебя жду». Ночнорожденная остановилась и отступила на шаг, пристально глядя на него. В быстро наступивших сумерках ее глаза сияли, как бриллианты, в темноте завораживая еще сильнее. Лор'темар хотел было избежать ее взгляда, настороженно ожидая упреков. Но она мягко держала его за руку, не позволяя отвести глаза. «Оставь свои заботы, хотя бы на эти два дня. Всего... всего на мгновение. Мгновение, когда замрет время. Твой разум полон печальных мыслей. Пусть они камнями упадут в воду и уйдут на дно. Когда поплывешь обратно, можешь поднять их, но на два этих драгоценных дня пусть они останутся лежать в песке, хорошо?»

Лор'темар улыбнулся. Один звук ее низкого успокаивающего голоса волшебным образом на секунду отогнал терзавшие его сомнения.

Проклятая боль в груди никуда не делась, но он знал, что она не утихнет, пока Талисра рядом.

«Хорошо, — сказал ей Лор'темар. — Это наше мгновение, когда замирает время».

«Смотри же, ты обещал», — пригрозила Талисра, наклонив голову.

«Тогда я поклянусь. И ни за что не нарушу свою клятву».

«Прекрасно». Ее рука снова скользнула в его ладонь, и они продолжили путь через рынок. «Потому что для нашего состязания мне нужен от тебя ясный ум и бодрый дух. Я тебя, конечно, разнесу в пух и прах, но зато все будет честно».

Лор’темар слегка усмехнулся. «Высокая башня — гордость и власть. Тем будет больше с той башни упасть».

«Ты уже начал сочинять? — поддразнила Талисра, не удержавшись от смеха. — Слабовато. Победить тебя — пара пустяков, лорд-регент. Жаль, что ты проделал такой долгий путь, только чтобы опозориться».

«Получается, ты зря созвала своих поэтов», — пожав плечами, сказал Лор’темар.

«Вовсе не зря, — возразила она, когда они проходили мимо светильников из причудливо изогнутого металла, озаривших их фиолетовым огнем. — Не зря, Лор’темар. Ради этого мгновения. Ради нас».

На Полуночном дворе их ждала немногочисленная, но взыскательная публика. Талисра не преувеличила — около десятка морщинистых физиономий, выжидательная тишина, заранее сжатые в осуждении губы. Те самые поэты, понял Лор’темар. И все шал’дорай. В толпе он все же заметил и несколько дружелюбных взглядов. На лицах некоторых присутствующих уже был заметен румянец от чародейского вина, которое то и дело подливали снующие вокруг слуги. Их небольшое пари в Назжатаре переросло в полноценное представление. Лор’темар воспринял это как комплимент — Талисра не стала бы затевать зрелища, не будь она уверена в его навыках.

«Уже начинаем? — пробормотал он. — Так сразу?»

«Не беспокойся, тебя напоят и накормят, когда развлечение будет окончено. Нечасто мы принимаем заграничных правителей, — объяснила Талисра, подводя Лор’темара поближе к гостям. — Извини их за нетерпение. Такие мероприятия всегда сопровождаются оживлением. В каком-то смысле

они повышают статус нашего недавно освобожденного города. Не сомневаюсь, что о сегодняшнем торжестве сложат стихи и песни — и еще долго будут о нем вспоминать».

«Тогда постараюсь не обмануть ожиданий», — произнес Лор’темар. Его тон был шутовым, но внутри он трепетал. Дружеское состязание между ним и первой чародейкой казалось чем-то личным, шуткой только для них двоих, доказательством возникшей между ними близости. Он не ожидал, что все это будет вынесено на публику, которая к тому же казалась не слишком благосклонной.

«Не напрягайся так, дорогой Лор’темар», — посоветовала она, взяв два кубка с чародейским вином у проходившего мимо разносчика. Широко улыбнувшись, она предложила ему один из них.

Лор’темар осторожно отпил, помня об особом действии этого вина. Первый же его глоток будоражил, как свет в глазах первой чародейки.

«А минуту назад кто-то хвастался будущей победой», — напомнил ей Лор’темар. Публика расселась по местам, наклоняясь друг к другу и азартно перешептываясь, пока они с Талисрой стояли впереди. — «Не передумала?»

«Вот еще, — ее бокал слегка звякнул об его. — Но лучше проигрывать с достоинством. Я посмотрю, как ты будешь переживать поражение».

Лор’темар проглотил следующее язвительное замечание вместе с еще одним глотком вина. Из тени позади двора появился слуга с деревянной трибуной. Стулья были расставлены в павильоне с темно-сливовым куполообразным сводом, за спинами публики высилась изящная статуя. Тихому шепоту воды, плескавшейся о берег бухты Сурамара, вторило пение под арфу, доносившееся откуда-то со стороны бесчисленных башен. Со своего места Лор’темар мог обернуться и увидеть рынок, где тянулись ряды таких же сияющих пурпурных куполов, похожих на капельки вина на мраморе.

Когда трибуна была установлена, Талисра встала за нее рядом с ним и повернулась к слушателям. Точнее, судьям.

Лор’темар неловко переступил с ноги на ногу. Он больше привык воодушевлять войско перед боем, чем представлять свои стихи на суд незнакомцев.

«Уважаемые поэты и жители Сурамара! Приветствую вас и желаю приятного вечера, — громко произнесла Талисра, поднимая свой кубок. Все встали в ответ. — Сегодня вечером мы принимаем почетного гостя! Следопыта, правителя и син’дорай, несомненного смельчака и защитника своего народа. Но в груди воина бьется сердце поэта, и сегодня он готов открыть нам, чем живут и о чем мечтают в далеком Кель’Таласе. Прошу вас отнестись к нему со всей любезностью и слушать внимательно, ибо своим выступлением он оказывает нам честь. Гостю я предоставляю право говорить первым».

У Лор’темара дернулся глаз, но он заставил себя растянуть губы в улыбке и поклониться, пока шал’дорай вежливо аплодировали. Многие хлопали ладонью по запястью. Казалось, их живо интересовал этот чужак-син’дорай, которого их правительница с такой помпой пригласила в Сурамар.

«Я счастлив побывать в этом чудесном городе с древними традициями, в обществе почтенных мыслителей и деятелей искусств», — сказал Лор’темар, следя глазами за уходящей в тень павильона Талисрой. Она стояла в темноте, но он все равно видел только ее.

«Я сожалею лишь о том, что так долго не отвечал на любезное приглашение первой чародейки», — закончил он. Откашлявшись, Лор’темар извлек свой дневник из глубоких складок плаща. В лодке у него было предостаточно времени обдумать свой выбор. Сдержанное классическое произведение показалось ему уместным для такой публики. Вряд ли почтенных поэтов Сурамара заинтересовали бы его недавние сентиментальные стихотворения, которые он писал, когда мысли о некой прекрасной первой чародейке против воли заползали в голову.

«Стихотворение в поэтическом стиле Луносвета, — объявил Лор’темар, вызвав заинтригованный шепот. — Я назвал его „Гадюка“».

Прижав ладонью дневник, чтобы тот не закрывался, Лор’темар в последний раз взглянул на Талисру, подбодрившую его легким кивком. Он поправил плащ, глубоко вдохнул и начал.

«Гадюка, что носит царский наряд, —
Угроза лишь слабым, как слаб ее яд.

Клыки напоказ выставляя свои,
Добычу все ж ищет среди тени и тьмы.
И жертву найдя среди слабых от ран,
Кого поразил болезни дурман,
Кусает она, неся истинный дар,
Милость свою, избавленья удар.
Так хитрость гадюка являет сполна,
Помощницей смерти служит она.
Смелейших миг слабости губит один,
Шальная стрела и коварство змеи.
И пусть вас минуют бессильные муки —
Бесславная смерть от укуса гадюки».

«Спасибо», — закончил чтение Лор’темар под нарастающий гул аплодисментов публики. Талисра вышла из тени галереи, похлопывая пальцами по запястью в знак восхищения. Лор’темар, не привыкший публично читать свои стихи, был рад даже такому скупому отклику. Лучше уж аплодисменты из вежливости, чем презрительная мертвая тишина.

«Великолепно, — бросила Талисра, проходя мимо и занимая его место у трибуны. — А я буду импровизировать, как принято на Полуночном дворе уже тысячи лет, как делали многие до меня и многие будут после — под властью мгновения».

Мгновение. Прислонившись к ближайшей колонне, Лор’темар с наслаждением глядел на омываемую фиолетовым светом Талисру, пока та говорила, и слова ее вызывали восторженные вздохи слушателей. Это и было их мгновение. Мгновение, когда замирает время. Ее решение импровизировать впечатлило Лор’темара; впрочем, он прекрасно знал, что она весьма выдающаяся эльфийка.

Талисра запрокинула голову к небу и широко распахнула руки, словно желая обнять наступающие сумерки и звездный свет. Его повлекло к ней, и, подобно другим поэтам и зрителям, он невольно потянулся вперед, и начал восторженно слушать.

«Под взором ночи мы,
Несчастные, прекрасные...
И звезды смотрят, не моргая,
Как мы танцуем, пьем
И отдаемся бдящим небесам,
Становимся ладонями, стопами,
Становимся друг другом...
Я пред тобой — моей рукою ты кубок подними,
Моими ты губами вдохни и первый вздох.
Моими ты ногами учись кружить и падать —
И оступись, я удержу тебя.
Ты смейся — я смеюсь с тобою,
Пока сиянье наших глаз не превратится в звезды,
И мы едиными не станем, как сердце на двоих одно
Во всей вселенной».

Когда Талисра закончила, воцарилась полная, оглушающая тишина, словно Лор’темар и другие присутствующие теперь видели одними глазами и дышали одной грудью, как и призывали ее слова. Аплодировать они начали тоже все как один. Лор’темар уже стоял на ногах, но и остальные зрители не замедлили подняться. Лично его заинтересовало не качество поэзии, а то, с какой глубиной чувств было произнесено каждое слово. Он должен был догадаться, что ее выступление окажется настолько завораживающим. Если первая чародейка блистала и в обыденной жизни, то, выступая перед публикой, она просто ослепляла своим великолепием. Но сейчас, озаренная звездным светом и погруженная в поэтический транс, она затмевала саму Белую Госпожу.

«Бесподобно!» — воскликнул поэт справа от Лор’темара, произнеся как раз то слово, что было на уме у него самого. Серебристые волосы поэта словно занавес ниспадали ему на спину, а его шею украшал огромный переливающийся аметист. Мягко шурша своей мантией, он подошел к Талисре и низко поклонился ей, разведя руки.

«Вы очень добры», — мягко сказала она, касаясь шеи кончиками пальцев правой руки.

«Мой помощник Гландрен записал каждое слово, — поэт жестом приказал ассистенту подойти, и к подиуму покорно подбежал ночнорожденный эльф помоложе. — А! Вот и Гландрен. Я не хотел пропустить ни единой перемены интонации, первая чародейка. У меня и, думаю, у всех нас возникло множество вопросов о произведении! Как только нам принесут еще вина, мы сможем все обсудить...»

Лор’темар удержался, чтобы не застонать от скуки.

«Позволь не согласиться, Рердин, — мягко ответила Талисра, положив ладонь на руку поэта. — Почему бы сперва не прерваться на легкий ужин? Наш гость наверняка очень голоден. Как только он поест и расслабится, ты сможешь задать ему столько вопросов, сколько пожелаешь».

«К-конечно, — снова поклонился Рердин, а затем схватил Гландрена за рукав и потащил его обратно к зрительским местам. — Как пожелаешь, первая чародейка».

Но затем Рердин бросил холодный взгляд в сторону Лор’темара, будто тот один был виновником такой неучтивости. Самого Лор’темара это ничуть не огорчило: обсудить стихи с первой чародейкой ему хотелось наедине. Для него ничего не значило мнение старых поэтов, зато ее мнение значило много.

«Тогда решено: мы соберемся снова через... два часа?» — обратилась Талисра уже ко всем присутствующим. Некоторых явно не обрадовала новость о том, что придется так долго ждать, но первая чародейка стремительно прошла мимо, не обратив внимания на кислые мины, взяла Лор’темара под руку и увела его с собой. Лишь слуга с вином последовал за ними, держась на почтительном расстоянии.

«Ты будто прочитала мои мысли, — с усмешкой произнес Лор’темар, когда они покинули двор, и, обогнув одну из круглых башен, вышли на дорожку, ведущую к узкой лестнице. — И как раз вовремя».

«Они хотят как лучше, — вздохнула она, — и я очень ценю их мнение как выдающихся деятелей искусства. Но вот Рердин... Он нередко заговаривается. Мне будет гораздо проще стерпеть его речи после хорошего ужина».

Винтовая лестница привела их на уютную террасу. Там они обнаружили круглый стол с двумя стульями, а также блюдо с легкими закусками в виде вареных ночных груш и маринованных яиц песочника. Слуга стоял рядом, прилежно ожидая, пока Лор’темар помогает первой чародейке расположиться, а затем наполнил их кубки вином и удалился.

Некоторое время Лор’темар тихо сидел и потягивал вино, устремив взор на гавань и слушая, как где-то над ними прервавшийся игрок на арфе вновь заиграл свою мелодию. Закрыв глаза, он почувствовал тепло и безмятежность, но это чувство было настолько непривычным, что он тут же очнулся. Его уже было покинуло то нервное напряжение, что вечно не давало ему расслабиться, но вот оно вернулось снова, словно незванный старый товарищ.

«Что-то не так, Лор’темар?» — спросила эльфийка, глядя на него. Ее глаза сверкали над поднесенным к лицу кубком.

«Я вспоминал твой приказ, первая чародейка, — ответил Лор’темар. — На миг в мой разум вторглась суровая действительность, но я прогоню эти мысли».

Талисра очаровательно рассмеялась. «Уж постарайся. А еще постарайся избавиться от ненужной формальности, Лор’темар. Называй меня Талисра. Итак, перед тем как ты достанешься поэтам, я тоже хочу задать тебе пару вопросов».

«Я в твоём распоряжении».

Ее глаза засияли еще ярче. «Твое стихотворение... Я правильно понимаю, что в нем говорилось о неудачах Кель’таса Солнечного Скитальца?»

«Все верно», — кивнул Лор’темар, откусил кусочек мягкой, сваренной в вине груши, и постарался сесть поудобнее. Этот вечер должен был принести ему радость, но теперь его начало охватывать мрачное расположение духа.

«Значит, твои мысли остаются в прошлом...»

«В последнее время я часто думаю о нем, — признался Лор’темар, — и о предательстве моего народа и без того в самую трудную минуту. И предан был не только мой народ... Я сам ему верил. Да что тут говорить?! Я был на его стороне и так в него верил, что мог отравить своих собратьев энергией Скверны, если бы он попросил».

Талисра понимающе вздохнула: «Такие раны заживают долго».

«Рана, отравленная ядом — и того дольше, — продолжил Лор’темар. — А в смутные времена она может и открыться. Как мне не вспоминать о прошлом? Я повсюду вижу сходство с ним. Войска Орды истощены, казна пуста, наши ресурсы почти на исходе. Если сейчас враг нанесет удар... Думаю, тебе несложно представить, что случится тогда, — он потер переносицу и покачал головой. — И вот я снова заговорил о суровых буднях».

Улыбка Талисры была уже не такой лучезарной, но полностью не исчезла. Откинув длинный бархатный рукав, она протянула ему руку. Мгновение помедлив, Лор’темар сжал в своей ладони ее тонкие пальцы, и тут же мрачные мысли покинули его, словно одно лишь это прикосновение было источником света, изгоняющим тьму. «Я надеялась, что мои стихи что-то в тебе пробудят, но ты, кажется, совсем их не понял. Боюсь, придется приказать Рердину сжечь все его записи».

«Как?! Ты не должна из-за меня...»

«Ты не виноват, — перебила она и сжала его руку. — Прошу, не вини себя».

Лор’темар нахмурился. «Да, конечно. Все в порядке. Я просто немного растерялся».

«*В порядке*», — резко бросила она и вздрогнула. Затем она отстранилась, и ему стало сразу же не хватать успокаивающего тепла ее прикосновения. Талисра откинулась на спинку стула, запрокинув голову и обнажив нежную и изящную шею. Бледные татуировки на ее коже загорелись ярче, когда она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. «Ты не виноват, Лор’темар. Сегодня я поведала всем то, что было у меня на сердце, чтобы показать то мимолетное, драгоценное счастье, что можно испытать. Война пришла — и не в последний раз. Времена беспокойные, это так, но я прожила достаточно долго, чтобы наблюдать, как мой народ переживает восход, затем крах, а затем снова восстает из пепла... И вместе с ним я, подобно дереву зимой, увядала, чтобы расцвести вновь. За все это беспокойное время я знала и горе, и восторг, но в порядке я никогда не была. Каждый раз я с головой погружалась в пучину боли или в омут наслаждения».

Он сделал глоток вина, но оно не притупило его чувства, как он ожидал. Талисре удалось добиться своего: ее слова что-то в нем пробудили. «Пожалуй, это довольно заурядное выражение. „В порядке“.. Оно не годится для поэзии...»

«И не годится для жизни, — закончила за него Талисра. Она вновь наклонилась к нему и, широко улыбаясь, кивнула. — Дорогой Лор’темар, я прекрасно вижу, как тяжела мантия правителя твоего народа, как она едва не вгоняет тебя в землю. Но в ошибках твоего принца виноват он сам, и ты не должен считать, будто в ответе за них».

Лор’темар пристально смотрел на нее, чувствуя холод по всему телу, словно с него сорвали одежду. В стенах Луносвета он чувствовал себя защищенным и невидимым для чужих глаз, и казалось, там он мог затеряться и скрыться от призраков, что не давали ему покоя во сне и наяву. Но сейчас родные стены были далеко. Прятаться было негде.

«Нельзя просто забыть о предательстве, что пережил мой народ и я». Что пережил я. «Для этого нужно время. Много, много времени».

Нахмутив брови, Талисра поинтересовалась: «И сколько же?»

«В таких вещах, как прощение и исцеление, торопиться не стоит».

Она снова протянула ему руку, и в этот раз он чуть было не оставил этот жест без внимания. Но это было бы неучтиво, к тому же он жаждал вновь ощутить ее прикосновение. Лор’темар закрыл глаза, а их пальцы соприкоснулись. «И снова мы говорим о ранах. Ты действительно пытаешься их залечить, — спросила она нежно, — или каждый день распарываешь их снова, потому что, пускай и неприятное, это чувство стало для тебя родным и знакомым, стало твоим?»

Лор’темар вздрогнул. Она нежно проводила большим пальцем по тыльной стороне его ладони, снова и снова, словно пытаясь вывести узор на камне. Он прекрасно помнил тот миг, когда принц его предал. В мгновение ока он вновь увидел толпы мертвецов, настигающих его собратьев, услышал злобные сплетни тех, кто с самого начала сомневался в Кель’тасе и насмехался над преданностью Лор’темара. Почти каждую ночь его снедали видения: в них Солнечный Колодец заражался энергией Бездны после того, как он подпустил к нему Аллерию Ветрокрылую.

Но он понимал, что на долю женщины, держащей его за руку, выпало никак не меньше страданий и горестей. И несмотря на это, на ее лице по-

прежнему с легкостью появлялась улыбка. И даже сейчас она пыталась предложить ему то, чего он едва ли заслуживал.

«Да, я привык к этим ранам. Они — часть меня, — признался Лор’темар. — Нынче я немного могу назвать по-настоящему своим. Если ран не останется, то что же у меня будет? Ничего».

«Это не так, Лор’темар, — мягко произнесла Талисра. — Открой глаза. Скажи мне, что ты видишь».

В тот момент его глаза уже были открыты, но, возможно, она имела в виду нечто другое. Тогда Лор’темар пристально посмотрел перед собой. Видя эльфийку, сидящую напротив, сияющую, замерев в терпеливом ожидании, он засомневался, будет ли он теперь когда-нибудь *в порядке*.

«Мы так долго избегали этой темы... — сказал он и натянуто улыбнулся. — Я не знал...»

«Все ты знал. И сейчас знаешь».

Внезапно Лор’темар смутился, и ему стало тяжело смотреть собеседнице в глаза. Однако она упорно не отводила от него взгляда, и тогда он сделал над собой усилие и посмотрел в ответ.

Результат не заставил себя ждать.

Он встал, все еще держа ее за руку, готовый обрести нечто кроме забот, горестей и воспоминаний; готовый последовать ее примеру: с головой погрузиться в пучины боли, или же в данный момент — в омут наслаждения.

И тут на террасу ворвался посыльный. Он пулей пронесся по лестнице и резко затормозил всего в шаге от Лор’темара. Весь в поту, перед ними стоял запыхавшийся юный шал’дорай в сурамарском одеянии. В паре шагов позади него показался и слуга, рассыпаясь в извинениях за внезапное вторжение.

«Д-для вас послание, лорд-регент. Боюсь, это срочно. Вас немедленно вызывают в Оргриммар... — тут посыльный наконец-то ощутил повисшее в воздухе напряжение. Он стоял, поглядывая то на Лор’темара, то на Талисру, а затем опустил светлые глаза и, нервно слотнув, обнаружил, что те держатся за руки. —

Я... я лучше пойду».

«Да, пожалуй, — вздохнул Лор’темар. — Я вернусь незамедлительно. — заявил он, но, взглянув на первую чародейку, исправился. — Вернусь, как только смогу».

«Конечно, лорд-регент. Простите за вторжение, лорд-регент. Этого больше не...»

«Ради Солнечного Колодца, убирайся наконец...»

Внезапный всплеск эмоций рассмешил Талисру, и она подошла ближе к Лор’темару, а слуга сердито потащил юнца-посыльного с глаз долой — напоминанием о юноше осталась лишь капелька пота на полу.

«Итак, — Лор’темар встряхнул головой и устало усмехнулся, — на чем мы остановились?»

«Я не отниму у тебя много времени, — сказала она и прижалась к нему, обняв одной рукой. Другую руку она положила ему на грудь, и Лор’темар тут же почувствовал, как быстро забилось его сердце. — Если только ты сам не послал его сюда, чтобы увильнуть от разговоров с поэтами...»

«И раньше времени покинуть тебя? — сказал он, наклонив голову, — Один намек на это ранит меня, первая чародейка, но о ранах мы говорить перестали».

«Так на чем же мы остановились?» — поинтересовалась она, прильнув так близко, что он чувствовал на своем подбородке ее теплое дыхание.

Лор’темар сделал глубокий вдох, чтобы собраться с мыслями: «О знании».

«Верно», — шепнула она. Ее тонкие, похожие на белые перья ресницы затрепетали, и их взгляды встретились. Почему он так долго не решался на этот шаг?

Ему впервые показалось, что Талисра не может найти слов: она не подшучивала над ним, не задавала наводящих вопросов, и Лор’темар воспользовался этой тишиной. Он вспомнил ее стихи, которые не выходили у него из головы, даже если и предназначались для одного мгновения.

Я пред тобой — моей рукою ты кубок подними,

Моими ты губами вдохни и первый вздох.

Моими ты губами вдохни... Это Лор’темар и собирался сделать, ведь он понял, что стихи, скорее всего, предназначались для него одного и служили призывом к действию. Призывом, на который он охотно откликнется. Расстояние

до ее губ было ничтожным, но, преодолевая его, он успел почувствовать такое вожделение, что у него перехватило дыхание. В его голове роились сотни сомнений, но Лор'темар отмахнулся от них: быть может, в будущем наступят и трудности, и боль, и неприязнь, но в это мгновение — мгновение, что принадлежало *им одним* — ее влекло к нему, и для него этого было достаточно.

Лор'темар не стал противиться ни желанию быть рядом с ней, ни всему, что последовало дальше: ни дрожи предвкушения в ее дыхании, ни краткой заминке, когда они решали, кто и в какую сторону повернет голову. Их губы, на которых еще оставались следы вина и стихов, сомкнулись, и все его сомнения тут же улетучились. Пальцы Талисры касались его подбородка, и весь Сурамар безмолвно замер, пока они наслаждались друг другом.

Он уже никуда не торопился. Мир за пределами их поцелуя может и подождать.

Конец

СОЗДАТЕЛИ

АВТОР

Мэдлин Ру

РЕДАКТОРЫ

Хлоя Фрабони, Эллисон Айронс

ИЗДАТЕЛЬ

Бри Мессина

ТВОРЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Стив Данусер

ПЕРЕВОД

Ю. Транквилицкая, С. Шкуратов